

Евнух Сюй обучал правилам поведения тщательно и вдумчиво. Что было особенно ценно, он порой делился премудростями дворцового выживания, и на фоне равнодушного евнуха Чжоу его отношение казалось поистине бесценным.

Ли Пинъань подумал, что было бы куда лучше стать приемным сыном евнуха Сюя.

Когда на закате занятия по этикету завершились, евнухи, прихрамывая, разбрелись кто куда. Ли Пинъань, волоча ноющее, онемевшее тело, поравнялся с евнухом Сюем. То ли ноги подкосились от усталости, то ли снизошло озарение — он бухнулся на колени и тут же ударил челом о землю.

— Сяо Аньцзы приветствует евнуха Сюя.

Евнух Сюй слегка прищурился. В глубине его глаз мелькнуло что-то странное, морщинистое лицо задрожало, и из горла вырвался тонкий, пронзительный смешок.

— Хи-хи-хи... А ты и вправду шустрый малый. Немудрено, что приглянулся этому старикану.

Он едва заметно повел глазом, и стоявший рядом евнух средних лет помог Ли Пинъаню подняться, а затем извлек из рукава маленький пузырек из белого фарфора.

— Это первоклассная мазь от ран. Намажешь — и все заживет в два счета.

В глубине души Ли Пинъань испытал легкое разочарование, но на лице изобразил предельную благодарность:

— Благодарю вас за милость, господин евнух, век не забуду вашей доброты.

Евнух Сюй проводил взглядом удаляющуюся фигуру Ли Пинъаня. Его глаза потемнели, мысли унеслись куда-то вдаль, и спустя долгое время он тяжело вздохнул.

— Я в свое время точно так же пробивал себе путь: осторожно, словно ступая по тонкому льду. Сколько поклонов отвесил, сколько богов умолил, чтобы чудом дожить до сегодняшнего дня!

Средних лет евнух проговорил:

— Раз уж мальчишка вам приглянулся, господин, почему бы не взять его в сыновья? Пусть прислуживает вам при дворе.

Евнух Сюй выудил из рукава сушеный боб, отправил в рот и принялся с хрустом жевать.

— Сяо Цюйцзы, что скажешь об этом пареньке?

Сяо Цюйцзы немного подумал и отозвался:

— На вид простоват и честен, умеет быть благодарным. Вот только не знаю, как у него с природными задатками.

— Боевые искусства — не главное. Канон Лотоса невероятно глубок, при достатке пилюль даже свинья достигнет вершин мастерства.

Евнух Сюй произнес с ноткой тоски:

— А вот что у человека на душе — не разглядишь. С чего ты взял, что он прост и честен?

Сяо Цюйцзы прозрел:

— Вы хотите сказать, господин, что он хитрит и упал специально, чтобы выслужиться?

— Неважно, случайно это было или намеренно. Считай, что он хитер и притворен — так будет вернее.

Евнух Сюй медленно поднялся и, опираясь на своего приемного сына, направился к дворцу.

— Чтобы выжить здесь, нужно подозревать каждого и сомневаться во всем. Только так можно прожить долго.

Вернувшись в свою каморку, Ли Пинъань нанес мазь на раны. По коже разлилась прохлада, и жгучая боль в нижней части тела мгновенно утихла — мазь действительно оказалась первоклассной.

Этот пузырек, наверное, стоит не меньше нескольких десятков лепешек, евнух Сюй и правда добрый человек.

То падение было лишь наполовину случайным, остальное — расчет. Жаль только, что в сыновья к нему так и не удалось набиться.

Посреди ночи Сяо Чжунцзы с товарищами вернулись со службы, и Ли Пинъань рассказал им обо всем. Сяо Фанцзы удивленно вскинул брови, впервые внимательно посмотрев на Ли Пинъаня, и насмешливо бросил:

— Думаешь, достаточно просто поклониться, чтобы стать сыном? Ты слишком просто мыслишь.

Сяо Юаньцзы утешил его:

— Сяо Аньцзы, ты все сделал правильно. Пусть ничего не вышло, зато ты показался на глаза евнуху Сюю.

Ли Пинъань спросил:

— А как же все-таки стать приемным сыном?

— Ты должен быть полезен! — отрезал Сяо Чжунцзы. — Отец и сын здесь используют друг друга. Отцу нужны инструменты и пешки, сыну — покровитель. Это отношения взаимной выгоды.

Сяо Фанцзы добавил:

— А разве только отец и сын живут взаимной выгодой? Родные родители — то же самое, иначе с чего бы взяться поговорке о том, что детей растят ради спокойной старости?

Сяо Юаньцзы кашлянул, прерывая его:

— Сыновняя почтительность — основа государства, не смей рассуждать об этом в таком ключе!

Использование... — пробормотал Ли Пинъань. Он смутно начал понимать суть отношений между приемными отцами и сыновьями. Если вдуматься, слова Сяо Фанцзы имели смысл.

Неужели родители растят нас только ради своей старости, а не из чистой любви?

Он ворочался в постели, не в силах уснуть. В его душе, в самых простых и искренних убеждениях, невольно пролегла трещина.

На рассвете следующего дня Ли Пинъань встал, умылся и принялся за работу. Раз обещал — надо выполнять, тем более что под крылом Сяо Чжунцзы его стали меньше обижать.

Вчера в столовой он собственными глазами видел, как одинокого маленького евнуха травили: заставили есть грязную лепешку, а потом на коленях ползти до самого выхода.

В дворце издевательства были делом привычным. Ли Пинъань запомнил имя того бедолаги — Сяо Хайцзы. Худенький, лет пятнадцати-шестнадцати.

Позавтракав, он отправился в Зал Внутренних Боевых Искусств. Сегодня Ли Пинъань не стал прятаться в углу, а занял свободное место в первом ряду, прямо рядом с тем, где обычно сидел Сяо Гуйцзы.

Но до самого прихода евнуха Чжоу Сяо Гуйцзы так и не появился.

Ли Пинъань гадал: неужели он уже освоил технику и теперь медитирует в отдельной комнате, перестав ходить на занятия?

Евнух Чжоу по обыкновению начал с чтения Канона Лотоса, но сегодня повторил строки больше раз, чем обычно, после чего позволил евнухам упражняться самостоятельно.

Ли Пинъань пожалел, что не сел рядом с Сяо Жунцзы — можно было бы попросить его объяснить иероглифы.

— Сяо Аньцзы, какие знаки тебе непонятны? Я обучу тебя, — евнух Чжоу возник за спиной бесшумно, словно призрак, и его вкрадчивый голос прозвучал пугающе холодно.

Ли Пинъань вздрогнул, торопливо вскочил и ответил:

— Я здесь недавно, господин, почти ничего не знаю.

— Ничего, научишься. Я буду учить тебя.

Евнух Чжоу протянул сухую, морщинистую руку и похлопал Ли Пинъаня по плечу:

— Ты слишком хлипкий. Береги себя, наберешься сил — тогда и тренироваться станет легче!

Ли Пинъань выдавил из себя благодарную улыбку:

— Благодарю за заботу, господин евнух.

Когда евнух Чжоу покинул зал, Ли Пинъань наконец выдохнул. Забота старика не принесла тепла, напротив — от нее веяло могильным холодом.

Сидевший рядом евнух подобострастно прошептал:

— Поздравляю, господин Ань, вы приглянулись евнуху Чжоу.

Ли Пинъаню стало не по себе, но он не мог понять, что именно не так. В конце концов, получить покровительство евнуха Чжоу и стать его приемным сыном — огромная удача.

— Как тебя зовут и откуда ты меня знаешь?

— Меня зовут Сяо Чжо-цзы, — евнух согнулся в три погибели. — Я знаю здесь каждого. Не считите за дерзость, но я стараюсь дружить с теми, кто идет в гору. Мы ведь все здесь товарищи по несчастью.

Ли Пинъань кивнул, решив, что стоит последовать примеру Сяо Чжо-цзы и запоминать всех поименно.

Вскоре его окружили другие евнухи, осыпая лестью, словно раньше — Сяо Гуйцзы. Слыша со всех сторон обращение господин Ань, Ли Пинъань невольно возгордился, отбросил тревогу и начал заранее наслаждаться преимуществами положения сына евнуха Чжоу.

Прошло несколько дней.

Евнух Чжоу проявлял к Ли Пинъаню все больше внимания: обучал грамоте, растолковывал сложные термины, объяснял движение энергии по меридианам. Между ними не хватало лишь официального признания отношений отца и сына.

Евнухи в Зале Внутренних Боевых Искусств соревновались в лести, придумывая самые изощренные способы угодить Ли Пинъаню.

Внешне он предавался этому сладостному чувству, но в душе тревога росла с каждым днем.

Что же во мне такого, что стоит использовать?

Ли Пинъань ломал голову, пытаясь найти в себе хоть что-то полезное, чтобы оправдать внимание евнуха Чжоу. Но он был лишь деревенским мальчишкой, у которого, кроме собственной жизни, не было ровным счетом ничего.

<http://bllate.org/book/18511/1779134>